

алекс лойер

РАКОВЫЙ
chemistry is
ОПУС
coming

18+

Алекс Лойер
Раковый опус

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Алекс Лойер

Раковый опус / Алекс Лойер — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Прошлое кажется не твоим... Нет, не стоит ничего забывать, а наоборот, стоит вспоминать всё, что можно, чтобы не повторятся. Здесь твоя новая жизнь, а по сути - это шанс, и не смей его упускать. И не надо придумывать объяснения для какой-нибудь ненужной ерунды, просто не делай её. Просто живи и помни, что была жизнь до рака, а теперь есть жизнь после рака. А ещё есть сам рак и никто не знает, отпустил ли он тебя и если отпустил, то надолго ли? Содержит нецензурную брань.

Вступление

Моей жене Лэйле, находящейся со мной в горе и радости, в богатстве и в бедности в болезни и в здравии... Это тебе, детка я дарю эти строки. Не знаю, столько мы будем вместе, но искренне желаю, чтобы моя последняя минута была бы одновременно моей последней минутой с тобой.

Часть первая

«— Война, — произнес он. — С чем я воюю? С моим раком. Что есть мой рак? Мой рак — это я. Опухоли состоят из меня, как состоит из меня мой мозг, мое сердце. Это гражданская война, с заранее известным победителем.» Джон Грин «Виноваты звёзды»

Говоря по-честному, я не понимаю, что сподвигло меня на написание сего произведения. Может хотелось чем-то помочь собратьям по недугу, а может их близким, может быть своим, а может быть себе самому, чтобы пережить... Советов не даю, — мой опыт индивидуален, как и ваш. Вероятно, мне необходимо было выговориться и одновременно дать понять, чем именно страшна эта болезнь и чем она хороша. Страшна ожиданием смерти и хороша одновременно этим же, если воспринимать болезнь, как время для приведения всех своих дел в порядок, а смерть, как избавление. И хороша ещё тем, что часть своих гадких качеств я растерял на этом пути. Жаль, что добровольно нельзя с ними расстаться, только под принуждением понимается их ничтожность... Но, сколько хорошего я приобрёл! Болея, учитеесь любить и учитеесь любить болеющих. И коли суждено это принять в себя невольно, то наверное можно и немного пошутить. Слышишь, рак, ты смеяться не умеешь, но я умею... я тебя научу

Когда наш самолёт шёл на посадку в Шереметьево и оставалось всего метров 30 до соприкосновения шасси с посадочной полосой, внезапно взревели двигатели и почти вертикально мы устремились в небо. Я подумал тогда, что это было бы неплохим финалом для моей бурной жизни, неплохим и быстрым. Я даже улыбнулся. Ведь перемещаться в небытие лучше с улыбкой, чем с перекошенной кривой рожой. Но, видимо, мне еще надо зачем-то быть здесь. пройти до конца что ли всю эту канитель, я не знаю. Зачем-то мне всё надо узнать или узнать и всё-равно зажмуриться. А с самолётом было бы прекрасно... хлопнуть и дело в шляпе. Точно лучше, чем на обсосанных простынях с расслабившимся напоследок сфинктером и круглыми от ужаса глазами. Это было накануне Рождества... того, которое прекрасное, с коричневым печеньем и глинтвейном и после четвертого по счёту цикла химиотерапии. Это было тогда, когда сотрудница Аэрофлота по своей инициативе заменила мне эконом на бизнес, выступив в роли рождественской феи.

Я всегда говорил тебе, моя детка, , ежели буду обездвижен, то тащи меня на песок Гоа, буду гадить туда, а не прованивать квартиру или дом. Не должно быть в доме комнаты, о которой все знают, что там лежит и умирает отец. Не тот отец, который троих может одновременно взять на руки и не тот, который лезет в октябре купаться в холодное северное море, а беспомощное, ни на что не годное, вонючее и капризное существо . Той комнаты, куда не хочется заходить, а квартиру потом хочется продать.

Эту сволочь, я обнаружил случайно. Она была небольшая, то есть совсем немного выступала, образуя припухлость на шее. Ничего не болело, не свербило и не щипало. Просто что-то незначительно надулось на шее. Я сразу понял, что это увеличенная миндалина. В тот момент я находился в Латвии с младшим сынулей под боком и нерадивой манерной няней из местных русских, которая всеми своими движениями и мимикой демонстрировала чрезвычайную занятость и усталость, будучи задействованной на пару-тройку часов в день. В результате я попросил её оставить нас, ибо малыш Паблито стал прятаться при её приходе.

Так вот, увеличенная миндалина детектед состоялось в конце мая 2018 года. Мне бы в онкоцентр сразу, но нет, поехал в не дешёвую клинику ARS, что в Риге ко врачу общей практики, потом к отоларингологу. Услышал я версию про локальное воспаление, могущее быть вызванным кистой в зубе... например. Выслушал и пошёл к стоматологам. Снимки пока-

зали им, что надо срочно удалять «восьмёрку» справа внизу и кисту справа сверху. Снимки я отправил мастеру в Москву и из его объяснений понял, что с этими манипуляциями можно и повременить. Было ещё кстати и УЗИ и вроде никакой опасной патологии в описании. Было и повторное УЗИ и консультация у заезжего лепилы из Германии в присутствии студентов.

Из разговора с московским стоматологом я узнал, что он вместе с женой собирается в Израиль на обследование, поскольку у жены лейкоз... что за напасть... так часто и уже совсем близко.

Дом в Латвии я покупал интуитивно. Не спрашивая о коммуникациях, технологиях строительства, отоплении... Мне просто понравился дом, понравился маклер и понравился продавец. И даже, когда я оставил задаток, продавец не верил, что сделка состоится – сумасшедший русский. Нам очень повезло и с домом, и с продавцом, и с местом, и с соседями. Иварс оказался прекрасным соседом и другом. Он же помог мне продать дом, когда понадобилось много денег на лечение, ничего не прося взамен. Иварс... У него было четверо детей и у меня четверо и многие взгляды на жизнь совпадали. И его неугомонная Илзе, одновременно пребывающая в разных местах.

Вот честно, многим тем, кто мне начинает рассказывать про латышей, хочется поправить образ мышления или сразу лицо.

Справа жил Вентс с женой Евой и дочерью Джеммой. И слева прекрасная большая латышская семья – Игорс, Ева и трое детей. И вообще всё было прекрасно и удивительно. Я влюбился в Латвию во-многом благодаря этим людям. В ста метрах Гауя – вторая по величине река Латвии, ранее судоходная, именно по этой причине большинство ганзейских городов и ливонских замков располагалось вдоль её русла, а в паре километров моё любимое холодное море... и чуть дальше тёмные глаза латвийских озёр

Как бесконечно жаль, что мне пришлось всё продать и уехать... Но ещё жаль, что я потерял ежедневную связь с этими людьми и этой землёй.

А ещё больше жаль, безмерно больше жаль, что я навсегда потерял связь с моим соседом Вентсом. Когда я ему позвонил сообщить, что у меня нашли какую-то опухоль, он с трудом говорил... в тот же день он умер. У него была меланома, с которой он боролся больше двух лет. Я знал, что он болеет, я видел эту болезнь в динамике. Вентс – крепкий парень... Вот он вrede бежит по царникавскому лесу, а вот он уже ищет удобную позу на бесформенном кресле. Я знаю, что это не он сдался – это как маленькая Латвия не могла долго сопротивляться злу, которого просто больше, было гораздо больше, чем Латвия.

Он замечательно готовил, как и его красивая жена – случайная француженка в маленьком латвийском городишке. Он ходил под парусом и я один раз вместе с ним, и приносил нам негрони, и давал рукколу на рассаду, а теперь его нет. А я пока есть... И руккола выросла такая, что вырвать её из земли я не мог, как ничто не могло вырвать из жизни Вентса... и я скошил рукколу газонокосилкой, как рак скошил Вентса... Знаю, что я не при чём, но когда думаю об этом, то становится не по себе

И другая семья, где муж корабельный штурман, а жена неожиданно из Владивостока, с двумя ребятами. Совсем неподалёку, каждый день проезжал мимо них на велосипеде. Опухоль мозга. Операция, химия... теперь он не штурман, а болезнь прогрессирует. Но он пока жив, как и я

И отец Иварса... тоже воюет с этой напастью... Воюет на девятом десятке лет и воюет успешно.

Много рака оказалось совсем близко от меня... Не укрыться... слишком много для маленького латвийского городка.

Давным давно мой приятель захворал этим же, и понимая, что надежда на исцеление порхает где-то там в районе Фатерланда, задумал занять денег, прокрутить их, вернуть занятое, а на заработанное вылечиться. Это было в 90-е годы возможностей, скоростных социальных и бизнес лифтов. Сказано – сделано. Деньги заняты и довольно быстро потрачены. С одной

стороны бандиты, с другой рак... и пустился парень во все тяжкие. Бегал долго, попутно удаляя удалённо спасать от бандитов своих близких, и спустя несколько лет, оказавшись в Канаде, узнал, что лечить больше нечего. Рак испугался нервной обстановки и свинтил. Уповать только на это не следует, но если есть возможность изменить всё или что-то, навсегда или на время, надо менять. Вне зависимости от того, сколько этого самого времени осталось.

Это счастливая история, но есть истории и другого порядка, но тоже связанные с беготней по жизни от всего и всех. Когда парень, решивший бежать из социалистического рая в Южную Африку – страну с которой у СССР не было дипломатических отношений, пользуясь перестроечной свободой, из ГДР проник в Чехию и последовательно в Австрию, где тогда было ближайшее консульство Южной Африки на территории Голландской дипмиссии, заполнил документы и вернулся обратно в ГДР, а потом Москву, где спустя несколько месяцев, к крайнему изумлению работников ОВИР получил приглашение в страну победившего апартеида и улетел. За несколько лет, он успел отказаться от работы в ЮАР в биологической лаборатории, торгануть наркотой, посидеть в африканской тюрьме, перегнать ворованные тачки из намибийского порта в Ботсвану, перебраться в Литву, получить в московском банке невозвратный кредит, получить статус обвиняемого в связи с получением этого кредита, улететь обратно в Африку через Чехию, там кого-то укокошить, исчезнуть из жизни всех, возродиться в образе тибетского монаха, вернуться в Москву и опять исчезнуть из жизни всех уже навсегда, утонув жарким летом в очаковском пруду на юго-западе столицы, где никто не купался, оставив жену и ребенка, которые его уже забыли и так и не успели вспомнить во время его коротко пребывания дома. Уверен, у него был железобетонный иммунитет от всего, включая рак, но не от маслянистой жижи очаковского пруда.

«Избавьте себя от 5 составляющих эмоционального рака: критиковать, жаловаться, сравнивать, конкурировать и соперничать» Стивен Кови

А как мне это сделать, когда критика, соперничество и написание жалоб составляет основу моей профессиональной деятельности? Жалобы, состязательность сторон, ходатайства и заявления – это ли не то, что должно свести меня в могилу? А нервы при посещении этих безликих автоматов – современных судей, прокуроров, следователей... А понимание того, что ты превращаешься в декорацию, если говорить об уголовных процессах. Вероятно, что именно эта моя профессиональная деятельность и запустила токсичный процесс. Олег, мой друг, адвокат, сгорел от лейкоза, до последнего переживая за своего подзащитного в каком-то рядовом уголовном процессе. Полагаю, что он до сих пор возмущается где-то там... оставив здесь жену и трёх детишек. Как быть адвокатом не пропуская через себя эти волны ненависти, несправедливости, безысходности? Сколько раз я говорил себе и другим, что не надо делать чужой уголовный процесс своим собственным, а на поди-ка исполни... всё через себя и ни капли мимо. Грёбанное моё тело, будучи таким фильтром, наверное основательно переполнилось этой желчью. Если получится с графоманством, завяжу с юриспруденцией в её нынешнем виде... зуб даю... нет, два, преимущественно ненужные восьмёрки

Походы по платным клиникам, ARS например, встали мне в копеечку, а толку не принесли никакого. Каждый специалист стремился превзойти предыдущего в абсурдности диагнозов. Особенно меня умилили киста зуба и лишняя восьмёрка. Я представляю, во что превратилась бы моя жизнь, если бы мне разворошили всю пасть, но основную проблему это не решило, лишь усугубило бы. Меня даже показали заезжему немецкому доктору, дававшему урок+ пресс-конференцию в рижском Реннесансе. Прославленный немецкий док оказался пакистанцем с английским хуже моего. Студенты правда смотрели на него восторженно. 20 евро мне неожиданно заплатили за роль манекена. Про опухоль пакистанец так ничего и не сказал, но парковку в центре я окупил.

В динамике будем смотреть... в динамике...

Наблюдение в динамике продолжалось до сентября 2018 года, ибо всё лето я провёл с тремя нашими детишками и в следующий раз озаботился ситуацией только когда моя любимая жена забрала у меня основного возмутителя спокойствия, 3-летнего Пабло. Тогда я сразу отправился на консультацию в Латвийский онкоцентр, где мне практически сразу сообщили, что меня посетила беда, оторвали кусок моей миндалины для проведения биопсии, направили на компьютерную томографию и назначили консилиум на 13 сентября. И аккурат за 4 дня до моего 50-летнего юбилея мне объявили, что я теперь не один и у меня есть спутница жизни – плоскоклеточная карцинома с метастазированием в региональные лимфоузлы. Сообщили так же, что я нуждаюсь в проведении химиотерапии и по её окончании весьма травматической операции с возможным повреждением пищевода, мягкого нёба и еще чего-то.

Лето было бесподобным, я получил бесконечное удовольствие от ежедневного общения с моими детками. Мы много гуляли, купались, ездили в путешествия и наплевать мне было на миндалину, динамику её роста и прочую медицинскую блажь.

Я прокатил детишек по всему латвийскому побережью, перевез их на пароме в Хельсинки, где они открыли для себя небывалые развлечения... Норпор – пятиэтажная лазилка, зоопарк на острове, парк развлечений Линнанмяки... как же нам было хорошо, только вот работа не позволяла тебе, детка, присоединиться к нам...

Мои малыши, болтающие голыми ногами в прозрачных водах Вентас-Румбы... мои прекрасные лягушата, бегающие по песку и приносящие в ладошках маленьких селёдок, выловленных в морских лужах... мои неугомонные ёжики, собирающие ягоды в лесу... мои смелые натуралисты, находящие жаб во прелых пнях и ловящие в сачок ломких веретениц...

Не было таких дорожек и целины, где не пробежали бы их лапки... не было таких лисьих нор, которые бы они не нашли... и выбегающие на дорогу лоси и несущийся над жнивьём заяц и обглоданная кем-то челюсть косули... барсуки, бобры, куньи... всё то, что в изобилии есть в благословенной Латвии в двух шагах от дома.

И вот мой юбилей... 50 полновесных лет, которые я мог бы провести как-то иначе, но провел так, как провел и теперь уже точно не жалею, хотя некоторые вещи я бы не делал, а некоторые бы наоборот сделал бы не единожды.

И вот, кабинет, латвийские врачи, спорящие на латышском языке о способах вмешательства в мой организм, мой старший мальчик Кока с айпэдом и мультиками и я впавший в оцепенение, прижавшийся лбом к прохладному стеклу. Слёзы непроизвольно наворачивались на глаза, а я думал, что мои дети будут расти без меня и самый маленький не будет меня помнить, ну если только по фотографиям.

Два курса химии, потом операция, которую будет делать команда лучших врачей Латвийского онкоцентра. Подумать можно, а откладывать надолго нельзя. О чём интересно можно думать, когда только что узнал, что у тебя рак? А я скажу... можно думать о том, что всё – пиздец... и ничего больше нет кроме него.

Тебе, детка, я позвонил не сразу, нужно было пережить острый этап осознания величины проблемы. И голос реально срывался на всхлипы, что доселе мне было вроде несвойственно. Потом набрался как-то твёрдости голоса и выпалил новость. С тех пор, я свою жену больше не видел (шутка). И я получил от неё более трезвый взгляд на своё ближайшее будущее, нежели могло придти мне в голову на этот момент. Я как-то решил, что будущего у меня больше нет, а жена сказала, что есть и нарисовала его. И оно было не в хосписе.

Следующие пару часов мы с сынулей провели в любимом всеми нами рижском зоосаде, где нам знаком каждый уголок и каждое насекомое. Жуки-чернотелки и палочники особенно хороши в это время года, а так же геррозавр и бело-голубоватые скорпионы в специальной подсветке.

Зоопарк – король ассоциаций , когда у тебя рак...рак- рак, краб-рак, скорпион-клешни-рак, аквариум-краб-рак...ракообразные и ракообразный я. Образ рака во всём. И все слова в которых присутствуют буквы, позволяющие собрать слово рак.

Часть вторая

И это начало расти ускоренными темпами после откусывания её плоти для биопсии. Или я так видел...А вот уже и я сам стал прислушиваться к своему организму, не дожидаясь сигналов от него и находить всё новые и новые доказательства моей скорой кончины. Метастазы прыгали из меня на стены. Тогда у меня и нарушился сон.

А вот унывать правда это не моё любимое занятие, поэтому я не прекратил ни ежедневные занятия на турнике и брусьях, ни многочасовые прогулки, ни велосипедные заезды по пересечённой местности с сыном позади. Никогда я еще не чувствовал себя так хорошо физически. 20 подтягиваний, по сотне отжиманий за подход и много чего другого. А вот заснуть не мог. Было уже холодно, но я раздевался догола и заходил в море... окунался и старался смыть с себя это наваждение. Проводил мокрой рукой по мокрой шеи и как-будто отбрасывал от себя чужеродное тело, пытающееся интегрироваться в мой организм. И громко кричал : – Море, небо, песок, сосны, дюны, облака, птицы и звери, заберите у меня эту напасть, растворите её в себе... природа, которую я так люблю, помогите мне избавиться от этой дряни...забери рак ...

И так каждый день...и в озере тоже. А мальчик Кока тарачил на меня свои красивые ореховые глазки и вероятно изумлялся поначалу, но я ему всё объяснил и он просил природу вместе со мной. Говорил, что вырастет, заработает много денег и обязательно меня вылечит и умру я в глубокой старости. Говорил, что будет обо мне много рассказывать своим детям и обязательно поведёт их в лес гулять и расскажет о природе всё то, что рассказывал ему я. И крепко прижимался ночью ко мне своими острыми коленками.

Тогда же я понял, что мне надо срочно получать второе мнение, что наверняка где-то есть более современные технологии, нежели в Латвии, да и моя любимая девушка , по удачному стечению обстоятельств она же моя жена, договорилась о консультации у известного светила, целого академика. Затягивать процесс нельзя, тем более, что благодаря своей собственной халатности и разгильдяйству врачей ARS, я и так затянул с первой стадии на вторую. А по сложности лечения, опухоль непростая, ибо расположена в опасной близости от жизненно важных органов. Если повременить ещё, то скоро я буду носить эту нелепую случайность у себя на плече... но, недолго

„Рак от первой сигареты (гиперкарма): глубоко укоренившееся убеждение в том, что наказание почему-то всегда тжжелее преступления: озоновые дыры – за пользование холодильником.“

Дуглас Коуплен

Я с самого начала не верил, что сей процесс был запущен в период моего табакокурения или иных внешних факторов, как- то больше я грешил на психосматику. Жизнь моя была бурной и часто недостойной звания советского офицера. Сам я был человеком резким и вспыльчивым, по пустякам в особенности. Дрался всяко, просто кого-то бил, не стеснялся вступать в противоборство с превосходящими силами противника, и даже работая в уголовном розыске не тратил время на вызов подмоги. Много психического здоровья оставил на этой службе, что определенно было весомым вкладом в мою карциному. Чуть позже, немецкий профессор полностью разделил со мной гипотезу о нервическом происхождении онкологических заболеваний.

И я много курил, класса с 10-го. Много курил и курил много лет...и остановился только в возрасте 42 -х лет. Сложно сказать, что мне давало курение. Может оно делало мою жизнь менее нервной, но не факт. Оставил я это занятие случайно. Раньше, никакое застолье не проходило без возлияния и курения, что делало состояние опьянения мерзким, похмелье тяжёлым. Поэтому видимо я и не любил выпивку. Так же я не люблю её и сейчас, но при этом уже

не курю. И заехал я к старому другу в загородную резиденцию, где по-соседству жили ещё несколько знакомых. В тот вечер мы побывали везде, съели всё, запивая это гейзерами водки, реками вина и водопадами пива... и заснул я в кресле, а наутро чувствовал себя гораздо приличнее, чем обычно так, как не курил.

А не курил я потому, что у меня закончились сигареты. Не было их ни в карманах, ни в сумке, ни в машине, а торговых точек рядом не было совсем. И так, день за днём мне становилось всё интереснее от ощущения того, что я ещё один день не курил... а вот ещё один и ещё. Стал два раза ходить на спортивную площадку вместо одного и гулять подолгу. Спустя 4 года, продавая машину, на которой тогда приехал к другу за город, я внезапно нашёл в кармане за переднем пассажирским креслом папиросы Беломор, целую пачку, жестяную, которую я купил чисто из-за любопытства, ибо не видел такую раньше. Она находилась там же всё время, когда я выпивал и закусьивал тогда, будучи в гостях у друга. Но, она тогда почему-то не нашлась... а когда нашлась, была уже мне безразлична... Печальная участь никому не нужной вещи, приобретённой невзначай, никогда не пользованной, так и сгнувшейся навсегда в своём одиночестве

«Когда совсем падете духом, приходите ко мне в больницу. Один обход ракового отделения в два счёта лечит от любой хандры.»

Э.М.Ремарк

Визит к академику был незабываемым. Дружелюбный на фотографии, он оказался весьма неприятным типом на деле. Отвергнув мою протянутую в приветствии руку, он шарахнулся от меня, как от окопной вши и ткнув пальцем в угол, где стояло кресло, скомандовал – «садись туда». Разница в четыре года и учёная степень делают с людьми чудеса, в основном с россиянами. Вроде он врач, но и я адвокат, мы почти ровесники... откуда эта гордыня? Интеллигенты начинают тыкать только после получения учёной степени?

– Два курса высокодозной химии, потом операция, – заявило светило, всяко демонстрируя свою компетентность в этом вопросе, – томография, биопсия опухоли и биопсия лимфоузла, добавил он... но я уже решил, что он обойдётся без меня, а я без него.

Зачем надо было назначать ещё две травматичные манипуляции, когда сроку предыдущей биопсии было всего пара недель, мне неизвестно. Не доверяет латвийским врачам? А его диагнозам поверяют например в Германии? Кстати, потом во Франкфурте меня стали лечить на основании медицинских документов из Латвии, поэтому в задницу российских академиков, которые по-совместительству онкологи.

Потом уже мои знакомые и доверители рассказали мне, что обещая сделать операцию лично, этот академик лукавит. Он появляется только следующим утром в палате и по-отечески интересуется здоровьем. И это максимум. Иногда его можно видеть возле операционного стола, и это последняя картинка засыпающего от наркоза пациента, и как только он засыпает, академик уходит из операционной. Но гонорар видимо неизменен. А моя двоюродная сестра, проживающая в непосредственной близости от рабочей локации академика, вообще заявила, что только сумасшедший человек может рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь по квоте в Сеченовке... да и за деньги тоже.

Я понимал, что пора принимать решение. Уже подкрались неприятные ощущения в виде состояния интоксикации. Как-будто температура, но её нет. Продукты распада опухоли лезли прямо в мозг. Я имел уже два мнения, латвийское и российское.

Когда-то давно, лет 30 назад, я работал медбратором в РДКБ – детской республиканской больнице, в отделении гематологии. Я помнил почти всех бедных деток и помнил некоторых их родителей, чудом собравших деньги для лечения за границей. В основном это была Германия и Израиль. И помню, какими глазами на них смотрели те родители, которые не смогли собрать средства на это путешествие-шанс. Поэтому, когда родственник предложил мне прошвырнуться во Франкфурт, я не стал кочевряжиться, а наоборот, с радостью ухватился за это

предложение. Германию я люблю, немецкий язык тоже, на бытовом уровне могу даже пообщаться, в случае необходимости.

Я воровал из кабинета старшей сестры дорогостоящие препараты и отдавал их родителям умирающих детей потому, что старшая сестра отделения эти препараты им продавала. Уже не помню лиц, но некоторые имена мне не забыть. Как не забыть и вонь моей зелёной одежды после суточного дежурства, прокуренной и облитой всякими жидкостями, лекарственными препаратами, кровью... Если в нашей гематологии кто-то умирал, то в соседней онкологии тоже. Я знаю, что есть связь. Наверное детям страшно идти в другой мир в одиночестве. Они уходили часто потому, что никто не умел лечить рак...они и сейчас уходят по этой же причине. Редкие ремиссии были обусловлены чудом или большими деньгами. Леночка Золина в свои 5 лет кусала свои пальцы до крови, чтобы унять боль внутри и спрашивала, зачем её родила мама... Не объяснить мне это никаким промыслом божьим.

Я тогда не знал, какой он этот рак. Я сострадал, но не понимал. Но уже тогда я знал, что детская гематология и детская онкология...это помещения, куда привозят умирать детей, нет, не лечить.

После суточных дежурств я с трудом доезжал до дома. Пару раз засыпал в автобусах, разок в парикмахерской...А тот старичок, который попросил меня проводить его до автобусной остановки вообще не привиделся ли. Он шёл едва переставляя ноги, мелкими мелкими шажками. А я ему отказал, мол засыпаю на ходу, дедушка, прости...А идти-то было всего метров 400. Сделал я пару шагов и подумал, а да отведу-ка я старичка, что с меня убудет что ли... Повернулся, а его и след простыл. Вот так дедушка, не иначе проверял меня волшебник какой, насколько я сердобольный человек...А может Господь прибрать меня хотел, вместе с безвинными детками из больницы оправить, чтобы я в другом мире помогал им...Но, проверку я не прошёл, да и не галлюцинация ли это была после череды бессонных ночей.

В самолёте со мной летел мальчик Прохор из Магнитогорска, где я не буду никогда. У него были редкие волосики и маска. Ему было скучно, он шалил, а у его мамы были железные нервы. Мне абсолютно не известно, какой запас этих нервов должен быть у мамы не просто маленького мальчика, а маленького мальчика больного раком. Чудовищная нагрузка. И мне не в чем упрекнуть тех мам, которые находили спонсоров для лечения своих маленьких детишек на любых условиях. Я могу только восхищаться ими.

Мама Прохора рассказала мне, что лечение уже обошлось ей в 6 миллионов рублей. Я тогда подумал, что мне крупно повезло потому, что по предварительным прогнозам по результатам обследования, мне предстоит пройти всего два цикла химиотерапии, а потом сразу операция. И я был рад простоте решения моей проблемы и серьёзной экономии. Каждый цикл должен мне был обойтись примерно в 10 тысяч Евро. Операция где-то в этих же пределах. 2 миллиона ведь не 6...но, я был дилетантом...ах, каким же я был простаком

Меня всё радовало. Я в Германии – стране, которую я люблю и в которой у меня действительно есть шанс исцелиться, ведь немцы занимаются проблемой лечения онкологических заболеваний с 40-х годов прошлого века. Меня лечит профессор с мировым именем и не какой-то там хирург, параллельно возомнивший себя онкологом, а самый настоящий онколог-гематолог с внушительным образованием, опытом работы, научными регалиями и международной известностью. Глазам профессора я доверился безоговорочно. Они были умные и печальные, но вкупе со щедрой улыбкой, они дарили надежду. Надежду мне так же подарили дополнительные исследования, проведенные в немецкой клинике.

Рост, вес, температура, давление, пульс ...Мне воткнули бабочку в левое предплечье и начали залив химикатов.

Накануне я прошвырнулся по курортному городишку Бад-Зоден. Посмотрел на фонтанчики и бюветы. Пить не стал, ибо я всегда был осторожен с минеральными водами, бьющими из-под земли. И вам рекомендую не спешить и всегда уточнять у знающих людей последствия

употребления, как я это сделал в Карловых Варах, а мой приятель не сделал и поэтому весь оставшийся день провёл в номере отеля, до которого еле добежал, по пути отмечаясь во всех городских туалетах, снисходительно расставленных городскими властями. Городские власти знали слабое место своего города, и видимо слабое место моего друга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.